

4. «Сила» и авторитет магического специалиста подкрепляются через СМИ: пока, в основном, печатные и телевизионные, хотя Интернет активно проникает в изучаемый район.

М. В. Строганов¹

*Институт славянской культуры,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина*

РУССКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ЖЕСТОКИЙ РОМАНС: СЮЖЕТИКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Русский жестокий романс изучен достаточно хорошо (обзор литературы см.: [Петренко, Строганов, 2014, с. 7-26]). В Белоруссии только в 2010 г. появился термин *жестокий романс*, руководители фольклорной практики Белорусского университета рекомендовали его студентам для собирания [Пазаабрадавья песні, 2010] и опубликован сборник романсов [Жорсткі раманс, 2010]. Целый ряд популярных русских жестоких романсов не встречается в репертуаре белорусов, зато другие романсы, которые в России известны в единичных записях, в Белоруссии являются частотными. Для удовлетворительного объяснения этого явления требуется более длительное наблюдение над материалом.

Белорусское национальное сознание понимает себя как не-Россию, что отражено в ряде жестоких романсов («Поеду в Расію, там лучше знайду»). Но жестокий романс в том виде, как мы находим его в сборнике А.М. Кукрэш, является не собственно белорусской народной песней, а формой трасянки: «жорсткія рамансы функцыянуюць у жывой маўленчай практыцы пераважна на рускай мове або на „трасянцы“» [Пазаабрадавья песні, 2010, с. 76].

¹ Михаил Викторович Строганов – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского искусствознания, Институт славянской культуры, РГУ им. А.Н. Косыгина (Москва)

Примеры такой культурной экспансии русского фольклора в пределы соседних народов уже зафиксированы. Но в нашем случае сходная ситуация складывается за пределами России. В Белоруссии, которую можно считать однопациональным государством (в 2009 г. 83,7 % населения идентифицировали себя как белорусы), языком бытового общения является в лучшем случае трасянка, а то и просто русский язык, на котором, по результатам опроса 2010 г., говорят дома 70 % населения страны.

Мы можем указать только немногие исключения из этого правила. Жестокий романс «По Дону гуляет казак молодой» известен в белорусской среде в двух видах [Жорсткі раманс, 2010]. Первый вид представляет собой трасянку, и его нельзя признать национальной белорусской песней. Второй вид не встречается в русских записях, это белорусская национальная параллель к русскому жестокому романсу с существенно измененной сюжетной схемой (невеста выбирает женихов, вместо свадебного «поезда» – железнодорожный состав, утопление невесты объясняется не обрушиванием моста, а ее неловким движением). Но таких явлений у А. Кукрэш очень мало: жанр жестокого романса не относится к белорусскому фольклору, а принадлежит к фольклору трасянки.

Самый простой способ истолкования такого сходства – теория миграции фольклорных сюжетов, хотя при близком соседстве русских и белорусов она не может дать ощутимых результатов. Но наличие у двух соседних народов одного и того же жанра свидетельствует об их взаимодействии и сказывается на их национальной идентичности.